

МАРГАРИТА МОСКВИНА

**Отголоски
неблагополучного детства**

ОЧЕРК

Маргарита Москвина

Отголоски неблагополучного детства. Очерк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848248

ISBN 9785449854711

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Автор делится своими размышлениями с собеседником-читателем, своей маленькой тайной, жизненным опытом, которые повлияли на дальнейшее его саморазвитие и выбор жизненного пути, а также автор искренне надеется, что этот очерк даст возможность родителям по-иному взглянуть на ту или иную проблему и стать настоящим любящим другом своим детям.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Отголоски неблагополучного детства Очерк

Маргарита Москвина

© Маргарита Москвина, 2020

ISBN 978-5-4498-5471-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очерк

Отголоски неблагополучного детства

Здравствуйтесь, дорогие читатели!

Сегодня мне хотелось бы поделиться с вами чем-то важным и сокровенным, своей маленькой тайной. Возможно, мой рассказ кому-нибудь принесет пользу, я же хочу посвятить свой очерк моим родителям, мужу и двум дочерям.

И вы, и я – все мы когда-то были детьми, а значит, можно сказать, что все мы родом из «детства комплексов», вовремя оно привито нам нашими родителями или окружавшими нас людьми.

В свое время доктор Зигмунд Фрейд характеризовал ком-

плекс как «группу представлений, связанных одним аффектом», и он же ввел в психоанализ понятие Эдипова комплекса, впоследствии расширенное и детализированное учеником Фрейда Карлом Густавом Юнгом.

Эдипов комплекс определяет стремление к обладанию родителями, которое подавляется супер-эго. Последнее можно охарактеризовать как хранилище моральных норм, запретов и разрешений: это внутренний цензор деятельности личности, ее совесть, самонаблюдение, идеалы.

Понятие еще одного комплекса, комплекса неполноценности, ввел в научный оборот другой ученик Фрейда – немецкий психоаналитик Альфред Адлер. Комплекс неполноценности можно определить, как обостренное, преувеличенное переживание собственной слабости и несовершенства. Это значит, что человек не высоко себя ценит и страдает от неуверенности в себе.¹

Не будет преувеличением утверждать, что комплекс неполноценности есть у каждого. Но для кого-то он может стать движущей силой развития и стимулировать человека к непрестанному совершенствованию и самореализации, тогда как другого тот же самый комплекс может подвигнуть к психической деградации, подтолкнуть к обидам, агрессии, самоутверждению и жажде власти.

Симптомы комплекса неполноценности одни умело скрывают, выдавая их за достоинства, другие, как могут, рабо-

¹ Н. И. Конюхов. Словарь-справочник практического психолога

тают над ними, а третьи всячески демонстрируют свой ум, власть или превосходство над окружающими, компенсируя таким образом подспудное ощущение собственной неполноценности. Более того, показное отсутствие комплексов – это тоже комплекс, хотя и более сложный: «комплекс полноценности» или повышенное чувство собственной значимости.

Индивидуальные комплексы уходят корнями глубоко в детство. А мы рано или поздно возвращаемся к истокам, к своим детским годам, и у каждого из нас есть своя история.

В приемную семью меня забрали сразу после похорон моей родной матери, мне было 3,5 года. Говорили, что ее парализовало после родов. В нашей семье я была самая младшая,

четыре моих сестры к тому времени воспитывались в интернате, а старший брат – ему на тот момент было 14 лет – уже подрабатывал и помогал бабушке и деду. Отец ушел к другой женщине еще при жизни нашей мамы. О причине его ухода из семьи остается только гадать – думаю, не последнюю роль здесь сыграли сложные, конфликтные отношения между родителями, которые еще усугубились с болезнью матери. Как бы там ни было, со слов сестер я знаю, что в другой семье отец был счастлив.

Так уж сложилось, что наша семья считалась неблагополучной: семья неполная, многодетная, жили очень бедно, почти нищенствовали, ходили в каких-то обносках, в доме вечно было холодно, топить было нечем.

До трех с половиной лет я росла под присмотром бабушки и деда, и поэтому они не хотели, чтобы я воспитывалась в интернате, и считали, что жить я должна в приемной, благополучной семье. Думаю, оба они бесконечно меня любили, но понимали, что в силу возраста, состояния здоровья и вечного безденежья просто не смогут ни вырастить меня, обеспечивая всем необходимым для нормального развития, ни дать мне достойное образование. Неблагоприятный образ жизни не замедлил сказаться и на моем здоровье: у ме-

ня развился рахит, снизился иммунитет, начались проблемы с желудком и т. д.

В таком состоянии меня и привезли в село, в частный дом к приемным родителям. Дом был просторным, вокруг – небольшое хозяйство, во дворе – собака. Так как своего родного отца я ни разу не видела, то приемного сразу назвала папой, а вот маму не называла мамой почти полгода. Девочкой я росла малообщительной, русские слова мешала с латышскими (по национальности я – латышка), поэтому понять меня было сложно. Я болезненно реагировала на то, что никто меня не понимал, плохо шла на контакт с окружающими – словом, была «букой»: надуюсь и молчу, пока от меня не отстанут.

Моя новая мама работала в детском саду воспитателем и туда же устроила и меня. Конечно, это было трудное время для нас обеих. На меня частенько жаловались воспитатели, так как я была упрямой, настырной и задиристой, да и вообще, несносным ребенком: вела себя, как мальчишка, спуску никому не давала, но в той же мере и получала за это, можно сказать, из угла не выходила. Дружбу я водила почти что с одними мальчишками, зато стихи читала отменно, особен-

но патриотические, о войне: взрослые говорили, что мурашки бежали по коже, а на глаза наворачивались слезы. Думаю, что были у меня и положительные качества: отзывчивость, сострадание, доброта.

Но многие взрослые, в том числе воспитатели, знали, что меня удочерили. И, конечно же, было немало сплетен, разговоров, перешептываний в наш с мамой адрес: дескать, зачем ей нужна эта чужая девочка, хилая, болезненная, отстающая в развитии...

По прошествии времени я пошла в школу, училась хорошо, а вот поведение оставалось неудовлетворительным. Как сейчас помню дневник, сплошь исписанный красным: на замечания учителя не скупилась. О контрольных работах я узнавала раньше всех в классе, так как мою маму приглашали едва ли не на каждую контрольную или самостоятельную. Училась я хорошо и с заданиями справлялась быстро, а потом от скуки начинала отвлекать остальных, вот моя любимая учительница и писала маме записки о необходимости присутствовать на уроках. Воспитывали меня, надо сказать, очень строго.

Время шло, я росла, и чем дальше, тем больше множились слухи, что я в семье неродная дочь. Не только одноклассники перешептывались у меня за спиной, но находились и взрослые «доброжелатели», подливавшие масла в огонь. Домой я приходила в слезах, жаловалась родителям, расспрашивала их, пытаюсь докопаться до истины, но у них на всё был один

ответ: «Никого не слушай, это не правда». Ненадолго наступало затишье, но при первом же удобном случае снова вспыхивала ссора, звучали обидные и горькие слова. Обида засела у меня в душе как заноза: ответ родителей я знала, но, как известно, на чужой роток не накинешь платок.

С возрастом проблема усугублялась, становилась для меня все более значимой: в школе я была ударницей, потом съехала на тройки, стала всё воспринимать более остро и болезненно. Вопросов становилось всё больше: «Так ли это на самом деле?», «Если так, то кто мои настоящие родители?», «Почему меня бросили?», «А есть ли у меня родственники, сестры или братья?».

Мне тогда казалось, что никто меня не понимает: ни домашние, ни учителя, даже единственная подруга и та меня предала, весь мир рушился. Я была уверена, что родители стали относиться ко мне еще строже, ругали даже по мелочам. Слова, которые звучали в мой адрес, казались мне унижительными и оскорбительными, они больно ранили, обижали, вызывали непонимание, следом за которым приходили пустота и отчаяние. В один прекрасный день (мне тогда было лет 11—12) после очередного семейного скандала, я сбежала посреди ночи на кладбище, где пыталась спрятаться, но, к моему сожалению, меня быстро нашли.

Родители были, видимо, напуганы моим поступком, страсти немного поутихли, меня пожалели, объясняли, как могли, что они меня любят, что я им дорога, что роднее меня

у них никого нет и быть не может. Я пообещала больше так не делать и, конечно, сдержала слово, впредь я никогда никуда не убегала.

Но «доброжелатели» встречались и потом, а я, то пыталась бороться сама с собой, то снова и снова выискивала прямые или косвенные признаки того, что я не родная дочь. Если люди так часто об этом говорят, думала я, значит, говорят не зря. Я сравнивала свою группу крови с группой крови родителей, заглядывала в документы, а в своей метрике обнаружила «подозрительную» запись: документ был зарегистрирован не в год моего рождения – 1964, а почему-то в 1968...

Я выросла, но меня преследовали всё те же мысли: «Кто я?», «Что случилось и почему?». На этот вопрос много лет спустя, когда я была уже взрослой, ответил, как ни странно, мой муж. Оказалось, что определяющую роль в моей судьбе сыграла некогда моя будущая свекровь. В свое время она была ближайшей подругой моей приемной мамы и предложила ей удочерить девочку из конкретной малообеспеченной семьи. Однажды я случайно наткнулась на письмо свекрови, адресованное моей приемной маме, где был ответ на вопросы, мучавшие меня всю жизнь. Это подтолкнуло меня «надавить» на мужа, чтобы он обо всём мне рассказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.